

В. Д. КУЗЬМИНА

Из истории русского демократического театра XVIII века

В русской культуре к середине XVIII века ясно обозначилась классовая дифференциация, она стала отчетливой и в театральном искусстве, где придворному театру с его пышными оперно-балетными спектаклями противостоял городской демократический театр. Именно в нем получили свое выражение те „хотя бы неразвитые, элементы демократической и социалистической культуры“,¹ которые легли в основу дальнейшего развития русского театра и которые в первую очередь должны привлечь внимание советских исследователей.

И. Е. Забелин извлек из материалов Московской полицмейстерской конторы ряд документов, которые характеризуют развитие городского демократического театра в Москве в 1740—1750-е годы.² Известны имена организаторов и участников спектаклей, календарные сроки. Но сведения о репертуаре городского демократического театра отрывочны и неполны. Заголовки отдельных пьес, а иногда только наименование их жанров, сохранились в текстах челобитных о разрешении давать спектакли. На основе наименований пьес можно сделать вывод, что репертуар состоял из разнообразных инсценировок — изредка на библейский сюжет (например „Эсфирский акт“), чаще различных рыцарских и любовных „гисторий“ („Александр Македонский“, „Ипполит и Жулия“), а также из интермедий. Более точные сведения отсутствуют. В одном рукописном сборнике³ удалось обнаружить группу интермедий, повидимому, исполнявшихся в городских демократических театрах Москвы во второй половине XVIII века, что позволяет значительно уточнить прежние сведения о поздней русской интермедии, ее тематике, идейно-художественных особенностях.

Некоторые из этих интермедий близки к ранее известным интермедиям, с Гаером в качестве главного действующего лица, творящего суд и расправу;⁴ другие представляют, подобно интермедиям начала века, насмешку над лекарем;⁵ третьи состоят из грубоватых натурали-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 8.

² И. Е. Забелин. Из хроники общественной жизни в Москве в XVIII столетие. Сборник Общества любителей российской словесности, М., 1891, стр. 560—564.

³ Сборник А. А. Титова № 1627 (по Охранному каталогу), в 4-ку, 136 л., скоропись разных почерков второй половины XVIII века, листы кое-где перебиты; сборник состоит из разных тетрадей, объединенных общим переплетом. Бумага с гербом г. Ярославля (1780-е годы). Сборник хранится в Ленинграде в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В сборнике интермедии занимают 44 листа (лл. 9—38 и 111—124 об.). Ниже публикуются три наиболее интересных интермедии из данного сборника.

⁴ Сборник Титова № 1627, лл. 9, 19, 21 об., 23 об., 24 об., 35, 36 об., 112 об.—114.

⁵ Там же, лл. 31—31 об., 32, 37—38, 120—122.

стических любовных сценок из купеческого или дворянского семейного быта.¹ Не безынтересны интермедии, рисующие рыночные сцены с обязательными образами мошенника, ярыги и цыгана.² В них следует отметить образ крестьянина-сапожника, пришедшего в город на заработки,³ и обедневшего купца, которого разорили „компанейщики“.⁴ Любопытна, повидимому, украинская интермедия о сказывании сказки-небылицы цыганом.⁵

Большинство интермедий данного сборника отличаются ясно выраженным антидворянским и антицерковным направлением. Можно думать, что именно обострение классовой борьбы к середине XVIII века привело к такому усилению этих тенденций в рассматриваемых интермедиях.

Вторая особенность данного сборника состоит в том, что в его составе наряду с типичными интермедиями в виде одной простейшей сатирической сценки с диалогом двух-трех персонажей встречаются также более сложные произведения (из трех, пяти и более сцен), являющиеся, собственно говоря, небольшими бытовыми комедиями. Такова в первую очередь „Интермедия о свадьбе однодворцовой дочери“, представляющая попытку показать на сцене сватовство, смотрины и свадьбу — основные звенья народной свадебной драмы. К сожалению, эта пьеса сохранилась в виде части ролевых списков (отца невесты, невесты, жениха, дружки-цыгана), причем недостает целиком двух ролей: свахи и попа Авери.⁶

Третьей особенностью интермедий данного сборника является связь их с традициями устной народной драмы XVIII века. Отголоски последней дошли до нас либо в отдельных фрагментах на лубочных картинках той поры, либо в позднейших записях, не всегда точно воспроизводящих ее первооснову.

Антидворянская тенденция находит в интермедиях разнообразное выражение. В интермедиях на тему „развращения нравов“ подчеркивается, что обман, бытовой разврат, полная распущенность — обычные явления именно в дворянской среде. Рядом с девушкой-дворянкой, замужней женщиной или вдовой-дворянкой в интермедии постоянно помещается образ „любителя“ и старухи-сводни.

В интермедии высмеивается пристрастие дворян — „шляхетства“ — ко всему чужеземному и пренебрежение к родному языку. „Мне не хочется по-русски говорить“, заявляет дворянин („шляхта“) своей жене и требует, чтобы она училась иностранному языку (см. публикуемый текст).

Отчетливо и ясно звучит антидворянская тенденция в интермедиях, рисующих образ „голового барина“, хорошо известный народной драме. В издаваемой ниже интермедии „шляхта“ Елисей, знакомясь со зрителями, так рекомендует себя:

... я был великого роду.
Зачастую пивал на Москве-реке воду,
Не знаю, которого и году.
Однакож родня-та моя и ныне велика,
Даром, что я подпоясан лыком.

¹ Сборник Титова № 1627, лл. 11 об.—15, 17—19, 24—24 об., 34—36 об.

² Там же, лл. 25, 25 об., 26 об.

³ Там же, л. 26 об.

⁴ Там же, л. 28 об.

⁵ Там же, лл. 10—11 об.

⁶ Разметка чередования всех реплик в списках ролей позволяет реконструировать текст интермедии, оставляя пробелы на месте отсутствующих реплик.

Интермедия высмеивает мнимую военную доблесть дворян. „Шляхта“ Елисей так вспоминает, например, о своем отце:

...батюшка-та мой был воин,
А как кликнут на службу, обнимя голову, и воет.
Под многими он был городами —
За печкой под гредами.

В интермедии высмеивается и костюм дворянского щеголя. Слуга, например, обращается к нему со словами:

Здорово, московской щеголь, веретеном хвост!

Модный сюртук щеголя оказывается сшитым из соляного куля, утащенного с судна на Москве-реке,

А праздничной мой мундир,
На котором три тысячи сорок дир,
Башмачки на мне новы,
Только пяты голы.
А вот у меня золотые пряжки,
Только я бы поел орженой каши.

В интермедии неоднократно подчеркивается тяжелое положение крепостных слуг у такого барина; он не обращается к ним иначе как с бранной кличкой, слуги голодают („мы з голоду подохли... мы дубовыми корками передавились“, говорят слуги); барин постоянно угрожает им то рукоприкладством („Каналья, вить я в щоку“!), то батогами, Петрушка, Гаврило, Корпуха, Авдей — слуги „шляхты“ — от всей души презирают и ненавидят своего господина. Их диалоги с баринком полны не только явной издевки, но и прямой угрозы расправиться с ним. Недаром, идя на зов барина, слуга захватывает с собой дубину, объясняя свой поступок так:

...сударь, я иду да несу дубину.
Бывает, с тобою побранюся,
Так я ею и оборонюся.

Характерна с этой точки зрения развязка интермедии; после перебранки барина со слугами, сценка завершается таким диалогом:

Шляхта

Бестия, полно тебе болтать!

Слуга

Как я тебя возьму топтать,
Так некому и отнять.

Шляхта

Каналья, вить я в щоку!

Слуга

А я шляхту по боку.

Шляхта

Вить я не стану и месечину давать.

Слуга

Полно, тебе самому по полушке хлеба покупать.

Ш л я х т а

Хошь ли ты, каналья, как я тебя возьму возить?

С л у г а

А я рад на тебе ездить.

Интермедия рисует, таким образом, крепостного слугу, который не хочет терпеть издевательства, а готов дубиной расправиться с ненавистным ему барином, бездельником и обидчиком.

Антицерковная направленность интермедий данного сборника обнаруживается двояко. Она заметна, например, в „Интермедии о свадьбе однодворцовой дочери“ в пародировании церковного обряда¹ и звучит еще отчетливей в сатирическом изображении пьянства, разврата духовенства.² Эта интермедия близка к давно опубликованному тексту из сборника Государственной Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, собрания Тихонравова, № 314,³ отличаясь от нее отсутствием образа цыгана и заменой келейницы — просвирней. В сборнике Титова № 1627 эта интермедия заканчивается сценой попойки и пляски монаха-старца с чернобровой просвирней и приглашенными последней гостями: Гаером, Поляком и Бурлаком.

„Интермедия о свадьбе...“ — резкая сатира на быт духовенства — является наглядным комментарием к известному указу от 21 декабря 1750 года, который, разрешая представление комедий любителями на святках, требовал, чтобы „на русских комедиях в чернеческое и прочее касающееся до духовных персон платье не наряжались“.⁴

Образцом перерастания интермедии в короткую бытовую комедию является „Интермедия о свадьбе однодворцовой дочери“.⁵ Содержание первой сцены — сватовство — изложено во вступительной ремарке: „Выходит однодворец, рассказывает про свое житье и про дочь, выходит сваха, сватает дочь замуж, потом и дочь выходит“. Вторая сцена — смотрины: „Сваха пойдет и выведет жениха и еще гостей смотрит-невесты“. В третьей сцене — свадьба: „Выходит цыган и выводит попа“. В ответ на слова жениха:

Батюшко, изволь нас венчать,
Да вели ее мне поцеловать...

цыган „поставит лестницу к невесте и велит целовать, а, поцеловав, станут плясать“.

В этой интермедии особенно интересна роль дружки цыгана, насыщенная шутками и прибаутками. В ней следует отметить пародийную „роспись приданью“, хорошо известную в лубочных картинках и рукописных текстах XVII и XVIII веков.⁶ Заслуживает также внимания выходной монолог однодворца, который жалуется на „горькое житьишко“ в деревне: „с недороду хлеба голодом не знаю, как быть“. Он приехал в город, чтобы определить дочь работать или выдать ее замуж.

¹ Сборник Титова № 1627, л. 116 об.

² Там же, л. 115—115 об.

³ Н. К. Гудзий. К истории русского театра. I. Интермедия о старце. Известия Таврического университета, кн. I, Симферополь, 1919, стр. 152—158.

⁴ Полное собрание законов. СПб., 1830, т. XIII, стр. 392, № 9824.

⁵ Текст реконструирован по ролевым спискам: роль дружки-цыгана — л. 116—116 об., роль дочери-невесты — л. 116 об., роль жениха (не имеет конца) — л. 117, роль отца невесты — л. 117 об.—118 (не имеет конца), роли свахи и попа отсутствуют.

⁶ Д. Ровинский, ук. соч., т. I, стр. 367 сл. Ср. также: БАН, Собрание Тимофеева, № 1 — „Свадьба знатная. Роспись приданому“, лл. 1—4. ГИМ, Муз. 2857, „Роспись приданому жениху лукавому“ — лл. 132—135.

Для бедной девушки замужество — дело не любви, а житейского устройства. Она не ищет жениха красавца и по сердцу. Невеста так говорит свахе о женихе:

Не то б хорош был собой,
Да имел бы двор свой,
То бы пошла за него неотменно.

Связь с народной драмой в интермедиях очевидна; по всей вероятности, некоторые из них в основе своей имеют литературно обработанные сценки устной народной драмы (ср. диалог „шляхты“ со слугами и устную драму „Голой барин“). Во всех сколько-нибудь разработанных интермедиях действующие лица, как и в устной народной драме, представляют себя зрителям в комическом выходном монологе. На речевой комический эффект, столь частый в устной народной драме, рассчитаны сцены перебранки барина со слугами („Прошка? — Кой чорт окрысился, как бешеная кошка“; „Петрушка! — Кой чорт ворчит, как в лесу лягушка“).

Таким образом, можно с полным основанием сказать, что публикуемые интермедии являются образцами письменной драматургии городского демократического театра XVIII века, которая создавалась на материале русской жизни, в тесной связи с традициями устной народной драмы и была направлена против господствующего класса.

Интермедия о свадьбе однодворцовой дочери¹

[Явление 1]

(Выходит однодворец, рассказывает про свое житье и про дочь, выходит сваха, сватает дочь замуж, потом и дочь выходит).

Однодворец

Здоровым желаю вам быть, бояра и господа!
А я из деревнишки пришел сюда,
Ибо мне в деревне нельзя жить,
Понеже с недороду хлеба голодом не знаю, как быть.
Хочу вам сказать о своем горьком житьишке,
Также и о своей бедной дочеришке.
Я однодворец в старые годы бывал,
А ныне мало имею, так в нищие попал.
Ныне я уж не знаю, чем и питатца,
Ей-ей не имею, как з дочерью жить и пробавлятца.
Не знаю, кормильцы, как и быть
И куды мне голову приклонить.
Хочу дочь ту отдать куды работать,
Чем бы могла и меня пробавлять,
Или замуж ее отдать.
Да не знаю, где жениха соискать.
Не знаете ль вы, господа, жениха или свахи?

(Выходит сваха и говорит. Старик кланяется)

Пожалуй, старушка, не опасайся
И з дочерью моею повидайся.

¹ Интермедия занимает лл. 116—118.

Мы тебя не забудем,
 А за сватанье платить будем.
 Пожалуй, посмотри и мою дочь,
 А уж не увидишь ее, как придет ночь,
 Понеже она по ночам те рыщет,
 А все женихов ищет.
 Велишь ли ее призвать теперя?

С в а х а

.....

(Старик кличет дочь)

Дочь, а дочь!

(и приходит)

Д о ч ь

Кой цорт! ворцишь, старой цорт!

С т а р и к

Дочь, вот сия старушка жениха хочет сосватать тебе,
 Которой будет зятик мне.

Д о ч ь

(свахе)

Пожалуй, старушка, только б был он хорош.

С в а х а

.....

Д о ч ь

Пожалуй, возьми,
 Только не обмани,
 Не то б хорош был собой,
 Да имел бы двор свой,
 То бы пошла за нево неотменно.

[Явление 2]

(Сваха пойдет и выведет жениха и еще гостей смотреть невесты)

Ж е н и х

Здравствуйте, господа дворяне, а все миряне!
 Вот я сюда пришел да и сколько людей нашел.
 Привела меня суды сваха, подъястерня пряха,
 Смотреть невесты.
 Да где ж и сесть? все заняты места.

С в а х а

.....

Жених

Каков та я вам, господа, кажуся?
 Еще лутче буду, как не женюся.
 Хочу я вам о себе сказать,
 Чтоб вы могли о моем имени знать.
 Зовут меня Анкудином,
 А ино называюсь... сыном.
 Жительство я имею в Черной речке под водою,
 Да вот мой и дедушка с бородою.
 В тине там вожуся,
 Да на сваях и сажуся.
 Хочу я ныне женитца,
 Да не знаю, где с ней и спать ложитца.
 Разве в Патисове в лесу
 Или на дерево взнесу,
 Чтоб выпавшись можно в реке искупатца.
 Конечно, другому так не удатца.

Сваха

.....

Жених

А вот и лицо та ее посмотрю,
 Нешто запылил с питья глаза, только про[тру].
 Вишь, какая она лыса.
 Да нам такая и нада белобрыса.

Сваха

.....

Жених

Я ста не вина пришел напитокца,
 Хочу на тебе женитца.

Невеста

Изволь прежде веселитца, а я рада в дом твой
 вселитца.
 Бацка, а бацка, надобно не мешкав отдать за нево,
 Чтобы не разошлось дело таково.

Отец

.....

Жених

Надобно у невесты еще приданово спрашати.

Невеста

Попроси ево, пожалуй, поскорые.

Цыган

.....

Невеста

Сватушка, цыганушка, требует у меня жених росписи
приданому.

Цыган

Вот я скажу ему лукавому
Роспись приданому:
Кичка строченая,
В ней береза точеная.
Подзатыльник красной,
Да поддубрусник атласной.
Сорока строченая,
Да перевяска соломенна золоченая.
Переденка бисером шити
Да костик из дерева липы
В три молота сбиты.
Без ценовки сшита епанча,
Да на занавесы рогожна парча.
Понове сшита кочетыгом с подковыркой
С маленькой дыркой.
Мочальная понки
Да в приданные брать ее оконка,
Хлопеник
Да соломанной мшеник,
Лапотки семерички
Да дубовые чирички,
Подколной тулуп
Да жен[и] горшок на пуп.
И то приданое все [на] лицо,
Как свиное яйцо.
Ну, песей сын, довольно-ль будет тебе приданово сево?

Отец

.....

Жених

.....

Невеста

Прикажете ль свати попросить?

Жених

.....

Невеста

Сватушка, цыганушка, пожалуй теперь
Да приведи с собою карачаровского попа Аверю.

[Явление 3]

(Выходит цыган и выводит попа)

Цыган

Стережися, бережися! Еду из лицари, цыганин
з усами,

А там пребывал
И на конях разъезжал.
Прослышало ухо,
Тонкое брюхо,
Что в вас происходят за манеры,
Новые малoverы?
Хотят женитца,
Со мной увеселитца,
Так меня везде почитают
И сюда призывают.
Без меня, цыганина, нигде не споритца,
А при мне всяк веселитца.
А то я вас здесь оболваню
Да сведу в чухонскую баню.
Вот вам Аверя,
Из Корочарова поц, приехал топеря.

Жених

Батюшко, изволь нас венчать,
Да вели ее мне поцеловать.

(Цыган поставит лестницу к невесте и велит целовать, а поцеловав станут плясать)

Цыган

Ну ж нечего ждать,
Пора гостей з двора провожать.
Провожу вас на небеса
В геенские чудеса.

Невеста

(к отцу)

.....

Отец

Извольте поскоряе окончать.

Жених

Да как бы поскоряе сына зачать.

[Интермедия] вторая о шляхте¹

Поздравляю компании сей,
 А я пришел сюда, шляхта Елисей.
 Полно, батюшки, базуга вшей.
 Воистину и я, шляхта, не плох:
 Полны у меня клапаны блох,
 Вить и я был великого роду,
 Зачастую пивал на Москве-реке воду,
 Не знаю, которого и году.
 Однакож родня-та моя и ныне велика,
 Даром, что я подпоясан лыком.
 Сродство мое нынче в чести,
 О четырех латках в различной шерсти.
 Да мне от них не велика честь,
 И таперь хотели, батюшки, свесть,
 Однакож и я не держал,
 Воистинну со страстей суда забрел.
 Вить я у себя имею охоту,
 Да приказал слуге своему, моту,
 А он, каналья, ейо распустил,
 Знать по *[неразборчиво]* на меня напустил.
 Хотел было меня затравить,
 Ей, насилу успел двери отворить.
 Ну да я ему заплачу.
 А топерь с вами, господами, разговаритца хочу.
 Тфу, провал, как я был богат,
 Так всяк мне был брат и сват.
 А как оскудел
 Да заслуженой мундир надел,
 Так никто не узнал,
 Хоть бы хто чортом назвал.
 Ека, батюшка, притчина
 Будто не знаю, которого я чину.
 Воистину я был Розбегаева полку капрал
 У меня и *[неразборчиво]* без вести пропал,
 А мы многократно [с] матушкой искали,
 Насилу *[неразборчиво]* з голосу не оттащали,
 А он, знать, был на небесах,
 Либо в земских чудесах.
 Вить батюшка-та мой был воин,
 А как кликнут на службу, обнимя голову, и воет.
 Под многими он был городами—
 За печкой под гредами.
 Неотменно он служил,
 А избу-ту натопят, так он тужил:
 Затем *[неразборчиво]* нельзя на печи-та лежать,
 И думает, как бы убежать.
 Да побывавши на улице, сказывает, что был походным,
 А он дрова колол клином.
 Ну да я, господа, хорош,
 Вот у меня есть грош.
 Вот уже он полдни-та наступят,

¹ *Интермедия занимает лл. 111—124 об.*

Так слуга поедет да гороховеник купит.
 И таков-то я, господа, бывал,
 Што много у себя и крестьян видал.
 А мой-та были крестьяне
 Все лесные палзуны.
 Целу я их вотчину имел,
 А заехать к ним никогда не смел,
 Понеже оне в дальном расстоянии стали,
 Воистинну меня не знали.
 Куда платье-та у меня не скудно.
 Вчера прибежало на Москве-реке судно
 Все [с] сертуками,
 Сиречь с соляными кулями.
 А вот боло, батюшки, сшил я себе сертук,
 Да надеватца-та туг,
 Так только на нево поглядел,
 А слуга мой, каналья, и надел.
 Ему, батюшки, пришел в пору.
 Куда не мало ж у нас было збору.
 А празднишной мой мундир,
 На котором три тысячи сорок дир,
 Башмачки на мне новы,
 Только пяты голы.
 А вот у меня золотые пряжки,
 Только я бы поел орженой кашки.
 Бывало, как я сяду есть,
 Ан и хлеба в честь.
 А я слугам говорю: подавайте кушать!
 Они, канальи, погегут по подоконью слушать,
 А там што-нибудь попросят,
 А всякой на стол мне носят.
 Так я за то на них закричу,
 Воистинну иногда и так прогложу.
 А такое-то усов кушанье бывало,
 Што иному за один глоток мало,
 А имянно:
 От студеных —
 С уксусом солому,
 А поевши отдать иному,
 А из жерких —
 Кишица колотка
 Да лука солотка,
 Сиречь лягушка, рябчик с пухом з духом,
 Да яичка з духом, сиречь болтун,
 Курочка вороная,
 Да кокушечка дворная,
 Сиречь воробей.
 Так и полно есть
 И [неразборчиво] хлеба в честь
 Право бы поел,
 Лишь бы где изобрел
 Печенова теста,
 Забавы место,
 Хотя б было не воложно,

Однако же [*неразборчиво*] не порожно.
 Да вот, господа, вить и слуг-та много имею,
 А кликнуть — и одного не смею.
 Однакож покличу: Слуга!
 Ах, ек они, каналаи, занялись,
 И собаки-та все разбрелись.
 Нет, да я хоть именовем-та назову,
 А таки позову:
 Петрушка!

С л у г а

Кой чорт ворчит, как в лесу лягушка?

Ш л я х т а

Ах, батюшки, где-та мой слуга Гаврила?

С л у г а

Ево вчера пустая изба задавила.

Ш л я х т а

Так он, каналаия, неможет?

С л у г а

С собаками вместе кости гложет.

Ш л я х т а

Ну, да я ево полечу,
 В три перемены в батоги перекачу.
 Знать, покликать Прошку,
 Авось либо мне поклонится в ножку.
 Прошка?

С л у г а

Кой чорт окрысился, как бешеная кошка?

Ш л я х т а

Ах, bestия, глуп он, насмешник, мой плут,
 Такой он и бежит на двор.
 Ему велел, штобы пива наварил,
 Он, каналаия, и жену было мою зарыл.
 Где-та мой слуга Карпуха?
 Он было и матушку ушиб обухом.
 Знать [*неразборчиво*] кликнуть Авдея,
 За ним мало дела. Авдей!

С л у г а

Куда те черт несет! За угол не задень!
 Кошку, сударь, зашибешь,
 А я выду, так и места не найдешь.

Шляхта

Каналья, аль вы оглохли?

Слуга

Да уж мы з голоду подохли.

Шляхта

Никак вы, канальи, зговорились?

Слуга

Да уж мы дубовыми корками передавились.

Шляхта

Пошлите-ко мне хошь пасынкову детину.

Слуга

Вот, сударь, я иду да несу дубину.
Бывает, с тобою побранюся,
Так я ею и оборонюся.
Здорово, московской щеголь, веретеном хвост!

Шляхта

Чю, батюшка, он говорит, бутто великой пост?
Каналья, вить мы не заговелись.

Слуга

Я знаю-то давно проговелись.

Шляхта

Каналья, вить и я сам не едал.

Слуга

А я мало и хлеба видал.

Шляхта

Што ж ты, бестия, не вежливо говоришь?

Слуга

А ты што нас з голоду моришь?

Шляхта

Расканалья, кушать мне собери!

Слуга

Да коево пострела, дьявол тя побери?

Шляхта

Каналья, разве у нас ничем ничего нет?

Слуга

Вон в заходе навалено, что некуда и деть.

Шляхта

Ии, сходи, купи, вот тебе полушка.

Слуга

Да кой на нее дьявол купить? Разве мерзлая лягушка.

Шляхта

Разбестия, лягушка! Лягушка эта скотска.

Слуга

Экай ста скоцка, настоящая еда господска.

Шляхта

Купи чего-нибудь похуже.

Слуга

Да разве камень посуше?

Шляхта

Расканалия, камень? Камня не едят люди.

Слуга

Ии не купить ли ста у кобылы ис под хвоста груди?

Шляхта

Разбестия, груди! Грудь душа не примет.

Слуга

Экой ста не примет, как за ухо кинет.

Шляхта

Как ты, каналия, ничем мне услужить не можешь?

Слуга

Да и ты, шляхта, по нраву избрать не можешь.

Шляхта

Да вот весь живот опустел,
А теперь праздник приспел,
Было б што есть.
Вели, каналья, хошь Карпухе чево принесть.

Слуга

Карпуха, поди, боярин зовет.

2-й слуга

Зачем велел привесть?

Шляхта

А я тебе велел рыбки-та принесть.
Был ли ты на базаре-то?

Слуга

Был, сударь.

Шляхта

Велик ли базар?

Слуга

Не мерил, сударь.

Шляхта

Много ли людей?

Слуга

Не щитал, сударь.

Шляхта

Да купил ли ты рыбы-та?

Слуга

Купил, сударь.

Шляхта

На много ли рыбы-та купил?

Слуга

На грош, сударь.

Шляхта

А друго-ет где грош девал?

С л у г а

А рыбы-та купил?

Ш л я х т а

Бестия, да я тебе дал два гроша.

С л у г а

Я не знаю, сударь, баба-та хороша.

Ш л я х т а

Где друго-ет грош?

С л у г а

А рыбы-та купил.

Ш л я х т а

Да какой ты рыбы-та купил?

С л у г а

Рыбу ерша, да рыбу скок.

Ш л я х т а

Ах, бестия, да скок-лягушка.

С л у г а

То тебе вместо мякушки.

Ш л я х т а

Ах, бестия, плут, насмешник, тут изволь с ним
говорить,

А топерь хочет удавить.

Напоил ли-та, каналья, лошадь?

С л у г а

Напоил, сударь.

Ш л я х т а

Да што у нея губа-та суха?

С л у г а

Не достала, сударь.

Ш л я х т а

Да ты бы, каналья, пролубь-ту подрубил.

С л у г а

Я и так, сударь, ноги-та подрубил.

Ш л я х т а

Ах, bestия, таку ты у меня лошадь-ту извел!

С л у г а

Я сударь, ее на конюшню свел.

Ш л я х т а

Bestия, полно тебе болтать!

С л у г а

Как я тебя возьму топтать,
Так некому и отнять.

Ш л я х т а

Каналья, вить я в щоку!

С л у г а

А я шляхту по боку.

Ш л я х т а

Вить я не стану и месечину давать.

С л у г а

Полно, тебе самому по полушке хлеба покупать.

Ш л я х т а

Хошь ли ты, каналья, как я тебя возьму возить?

С л у г а

А я рад на тебе ездить.

[Интермедия третья¹]

(Сидит шляхта з женою, говорят по-немецки)

Ж е н а

Батька мой, не знаю, что ты болтаешь,
Только вить ты один и знаешь.
А я по-немецки не обучена,
А от тебя будто как отлучена.

¹ Интермедия занимает л. 19 об.

Муж

Ах, мне не хочется по-русски говорить,
А жаль, что тебя так трудить.
Однакож не хочу от себя отлучати,
Буду тебя немецкому языку обучати.

(Гаер вылет)

Здравствуй, мой милостивый господин!
Вижу, что ты сидишь не один,
А слышал, что ты изволишь ведати,
Хочешь отдать жену немецкому языку обучати.
Я готов служить, как ротшему [?] брату,
Не пожалею себя, большую плату
Только извольте дать 100 ру[блев],
А то будет много слов.

Шляхта

Изволь 100 ру[блев] могу дати,
Надобно только хорошенько обучати.

Гаер

Добро, вы извольте от нас отходить, я хочу одно слово
объявити.

Шляхта

Изволь, я не буду мешать,
Что найдешь, изволь сказать.

(Шляхта пойдет. Гаер останется, говорит жене)

Гаер

Ну извольте знать немецкий язык
Не бойсь, не будешь иметь труд велик.

Жена

Пожалуй обучи, ево я готова благодарити,
А, кроме мужа, не знаю чем подарити.

Гаер

Ну, моя сударыня, даром не стыдися —
Язык свой изо рту выпустить потщися,
А я только свой к нему приложу,
То всю свою немецкую науку покажу.
Не надобно и аз буки обучати,
Сейчас можешь все познати.

Жена

Ах, как больно стыдно,
Однакоже, никому не видно.

(Выпустит язык, Гаер будто приставливает свой язык и откусит половину, отчего она залепечет. Гаер побежит прочь).

М у ж (выдет)

Что тебе зделалось, мой друг?
Отчего стало так вдруг?

Г а е р (выдет з жгутом)

Ну, дурак шляхта, я не трусил.
Прилежно у жены твоей язык откусил.
